

УДК 343.341-029:2

М.А. Алиев

Социальные меры предупреждения религиозного экстремизма

Статья призвана обосновать профилактический потенциал ислама в противодействии религиозному экстремизму по ряду направлений: меры регулирования конфессиональных отношений; информационно-идеологические меры; политико-доктринальные меры.

Ключевые слова: *религиозный экстремизм, потенциал ислама, социальные меры профилактики.*

The proposed article is intended to justify the preventive potential of Islam to counter religious extremism in some areas: measures to regulate religious relations; information and ideological measures; politico-doctrinal measures.

Keywords: *religious extremism, the potential of Islam, social prevention measures.*

В последние годы существенно изменился подход российских органов власти к борьбе с идеологизированной формой экстремизма, со смещением акцентов с антисоциальных последствий его действия на весь спектр противоэкстремистских мер и переводом экстремизма в целом из числа одномерных (сугубо криминальных) явлений в многомерное, требующее соответственно многофункционального подхода [9, с. 6]. Проявление указанных тенденций требует выработки стратегии противодействия религиозному экстремизму.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать целесообразность стратегии государства по предупреждению религиозного экстремизма, а также ее социальный эффект, выражающийся в согласованности целей и результатов с принятыми в обществе нормами и индивидуальными шкалами оценок, и предложены ему меры противодействия.

Меры регулирования конфессиональных отношений. Российская правовая система, исходящая из общепризнанных принципов и норм международного права, закрепляющая демократические начала правового государства и гражданского общества в Основном законе, а также провозглашающая светский характер формы государства, не приемлет позицию категоричного запрета свободы совести и мнений, при условии их существования в конституционных рамках, без ущемления прав граждан на свободу вероисповедания и следование своей религии. Следовательно, вопрос отношения к идеологии, используемой для обоснования преступлений экстремистской направленности, должен сводиться к регламентированному законом правовому режиму, в котором конфессии, деноминации и иные религиозные объединения остаются недостижимыми для правового воздействия.

В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года, № 125-ФЗ, в уставе религиозной организации указывается вероисповедание [10, ст. 10], что, согласно логике законодательного регулирования свободы совести, призвано гарантировать интересы исповедания религии конфессиями и деноминациями различных направлений. Такое разграничение предупреждает исключительную интерпретацию какого-либо одного конкретного вероучительного культа, гарантирует каждой конфессии и деноминации равноправную возможность понимания и истолкования веры. Указание на вероисповедание также способствует демократическому режиму выбора гражданином соответствующего его убеждениям вероучительного культа, открыто оглашаемого религиозными организациями.

В то же время действующая законодательная конструкция оставляет без внимания ситуации, при которых в рамках одного вероисповедания функционируют вероучительные толки, разногласия между которыми могут быть не менее противоречивыми, чем существующие между конфессиями и деноминациями различных вероисповеданий. В последнем случае регламентированный законом правовой механизм предупреждения пропаганды исключительности по признаку отношения к религии не срабатывает. В этой связи достиже-

нию цели терпимости и предупреждения конфликтов по религиозным основаниям, на наш взгляд, должно послужить определение вероучительного толка наряду с указанием вероисповедания религиозного объединения. Такая индивидуализация религиозного учения, определяющая особенность внутренних установлений, идейных взглядов и культа последователей, может происходить указанием наименования канонической школы, объединяющей ее идеологов, имени автора – основателя школы, либо любым другим способом. В социально-психологическом плане при таком законодательном подходе регулирования конфессиональных отношений достигается относительный компромисс между традиционным для российского государства суннитским исламом, с одной стороны, и новоявленным учением ваххабизма, с другой. Последователи религиозных толков, интерпретирующих одно вероисповедание, перестают претендовать на исключительно верное понимание духовной субстанции, а лишь предлагают свою концепцию в качестве альтернативы. Такая гласность создает своеобразный правовой барьер, препятствующий смешиванию вероучения ваххабизма с укоренившейся мусульманской религией, имеющей многовековой опыт духовных традиций в России. В глазах миллионов последователей традиционно исповедуемого суннитского ислама предлагаемая индивидуализация будет выступать фактором, предупреждающим посягательство на свято почитаемый ими духовный мир, и, вследствие этого, не будет провоцировать достаточно часто наблюдаемую «защитную» агрессивную реакцию на религиозные убеждения ваххабизма. Индивидуализация предупреждает исключительность религиозных взглядов. В противном случае, интерпретация с крайних позиций духовного материала объективно провоцирует конституционно запрещаемую религиозную рознь с последователями суннитского ислама [1, с. 20–21]. В то же время с позиций непосредственно ваххабизма, в условиях демократических принципов построения правового государства и гражданского общества, провозглашающих свободу мнений, вероисповедания и совести, он не испытывает ограничений в гарантированном законом праве действия в рамках конституционного режима регулирования конфессиональных отношений. Ваххабизм, наряду с иными верованиями, приобретает равноправную возможность присутствия и действия в поликонфессиональном пространстве российского государства с учетом ограничений и запретов, устанавливаемых с целью предотвращения религиозной розни и вражды. Игнорирование данного момента внутренних установлений неизбежно катализирует противостояние между религиозными объединениями, в ряде случаев приобретающее экстремистскую форму.

Метод индивидуализации религиозного культа находит подтверждение в существующей практике регулирования конфессиональных отношений в ряде зарубежных стран клерикального либо теократического типа. Так, индивидуализация культивируемого религиозного направления происходит уже на уровне основных законов – конституций некоторых теократических христианских государств. Например, Конституция Дании в ст. 4 закрепляет: «Евангелическая Лютеранская Церковь является государственной церковью Дании, и, являясь таковой, получает поддержку от государства»; Конституция Греции в ст. 3 (1) закрепляет: «1. Основной религией Греции является Греческая Православная Церковь Христа. Греческая Православная Церковь признает нашего Господа Иисуса Христа своей главой и доктринально неотделима от Великой Церкви Христа в Константинополе и любой другой Церкви Христа, придерживающейся такой же доктрины, беспрекословно соблюдая святыне апостольские и синодальные каноны и святыне традиции. Она является автокефальной и возглавляется Святым Синодом служащих епископов и Постоянным Святым Синодом, собирающимся в соответствии с предписаниями Церковного свода законов и Патриаршей книги от 29 июня 1850 и Синодального Акта от 4 сентября 1928»; Конституция Италии в ст. 7 закрепляет: «1. Государство и Католическая Церковь являются суверенными и независимыми в соответствии со своими законами»; Конституция Испании в ст. 16 закрепляет: «Общественные силы принимают во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживают необходимые отношения сотрудничества с Католической Церковью и другими деноминациями» (выделено нами. – М.А.) [7, с. 45–46]. Аналогично такому законодательному подходу, в основных правовых актах государств, офи-

циально провозглашающих следование исламу, наблюдается вариативное закрепление той или иной вероучительной концепции, относимой на национальном уровне к мусульманской религии, причем такая вариация отстаиваемого вероучительного направления, если не главным образом, то в значительной степени обусловлена сложившимся в стране духовным укладом общества, определяющим приоритеты государственных интересов в соответствующей сфере конфессиональных отношений. Так, в ряде стран, провозглашающих ислам государственной религией, законодательством определяется предпочтение того или иного направления вероучения – суннитов либо шиитов. Например, ислам суннитского толка провозглашается государственной религией [8, с. 334, 514, 41, 392] в Марокко, Тунисе, Афганистане и Пакистане, в которых мусульмане-сунниты составляют соответственно 98, 98, 84 и 77 % населения [5, с. 113, 125, 159, 161]; ислам в шиитском понимании провозглашается государственной религией в Ираке и Иране [8, с. 205, 209], в которых большинство населения (63 и 95 % соответственно) составляют шииты [5, с. 143, 151]. Более того, известен пример, когда ислам провозглашается государственной религией в стране, официальное духовенство которой, пользуясь поддержкой власти, отрицает необходимость следования какой-либо одной из каноническо-правовых школ (мазхабов), сформировавшихся в рамках существующих вероучительных направлений, интерпретирующих мусульманскую религию с различных позиций. Такое положение характерно для Саудовской Аравии, в которой в XVIII в. сложилась секта ваххабитов, создавших свое теократическое государство на основе утверждения собственной неординарной концепции религиозной картины мира [4, с. 46].

Государственные интересы в области толерантности, конфессионального и межконфессионального диалога достигаются при доктринальном и правовом подходах, предполагающих обеспечение благоприятных условий реализации сложившегося национального религиозного культа, с одной стороны, и с другой – недопущение пренебрежительного отношения, оскорбляющего внутренние установления и ритуал всех действующих религиозных объединений.

Информационно-идеологические меры. Информационно-идеологическое противодействие религиозно-мотивированным преступлениям экстремистской направленности является собой наиболее непроработанную сферу деятельности государства в предупреждении распространения в массовом сознании населения идеологии радикализма. Уязвимым местом политики северокавказских республик России в отношении радикальных религиозно-политических организаций остается сохранение преимущественно силового подхода к решению этой проблемы. Между тем мировой опыт показывает, что религиозно-мотивированная преступность не сводится исключительно к насилию или террору. Она представляет собой намного более сложное явление, способное действовать на идеологическом, информационном и социально-культурном уровнях. По этой причине противодействие данному общественно опасному явлению не может и не должно сводиться только к силовым методам. Они лишь крайний рычаг, применение которого свидетельствует о безуспешности всей проведенной профилактической работы по борьбе с данным антисоциальным феноменом.

Практически все радикальные экстремистские организации основным объектом своей идеологической деятельности выделяют молодежь. По разным данным, от 50 до 80 % состава экстремистских организаций в странах исламского мира составляет молодежь в возрасте от 17 до 28 лет [6, с. 79]. Примечательно, что радикальные религиозно-политические организации стараются вербовать молодых людей из числа представителей интеллигенции, научных работников, студентов. Соответственно, особенный упор необходимо делать на работу с молодежью.

Религиозный экстремизм – явление политическое и одновременно идейно-культовое. В связи с этим для ограничения его развития на Северном Кавказе необходимо принять меры по информационно-идеологической защите населения, и прежде всего по государственной поддержке альтернативного исламского вероучения, исторически гармонирующего с институтами государственной власти и представленного суннитским исламом,

имеющим многовековую отечественную традицию и десятки миллионов последователей в России.

Учитывая весомую роль СМИ в образовательно-идеологической деятельности государства, необходима организация их превентивной деятельности в этой области. Жесткие реалии современного мира диктуют настоятельную необходимость использования уникальных возможностей СМИ в противодействии негативным явлениям, в том числе и распространению радикальной религиозной идеологии экстремизма. Соответственно, существует необходимость организации со стороны СМИ при поддержке государственных органов целевых превентивных ходов, таких, как: пропаганда в СМИ роли государства в предотвращении терроризма и экстремизма через цикл статей и передач; создание PR роликов, освещающих вопросы войны, политической нестабильности, религиозной нетерпимости, транснациональной преступности, терроризма и экстремизма; проведение социологических исследований и т. д.

Серьезной задачей является использование потенциала образовательной сферы, в т. ч. религиозного образования, как базисного элемента воспитания толерантности и взаимотерпимости. Рядом исследователей проблем экстремизма предлагается введение в процесс профессиональной подготовки государственных служащих, работников правоохранительных органов, средств массовой информации и сферы образования специальных курсов по проблемам формирования толерантного сознания в обществе и противодействия экстремизму, а также этнологии и этнографии народов России, формирующих системные знания о национальных процессах, происходящих в нашей стране [3, с. 82, 240].

Немаловажное значение в аспекте информационно идеологического противодействия религиозному экстремизму приобретает проблема построения национальной идеологии. Ее реальное воплощение создаст эффективную преграду распространению радикальных идей.

Политико-доктринальные меры. Предупреждение экстремизма вообще требует твердой и последовательной государственной политики. Для этого необходимо завершить экономические и социальные реформы в обществе, с тем чтобы минимизировать дезорганизацию и таким образом сузить социальную базу экстремизма.

Необходимо разрешать действительные проблемы собственных граждан, испытывающих крайнюю неудовлетворенность проникновением религиозного экстремизма, искажающего подлинную суть ислама и оскорбляющего религиозные чувства миллионов российских мусульман. Считаем, что эффективное предупреждение религиозного экстремизма во многом зависит от степени осознания многоконфессионального характера России, способности консолидации всех конфессий во имя достижения единой цели – формирования истинного правового государства. Но для этого необходима четко продуманная программа. Государство не может стоять в стороне от формирования религиозного сознания личности. Речь идет не о прямом вмешательстве, а о содействии обществу, личности в получении достоверного религиозного образования, доступной правды о религии. В противном случае общество будет наводнено такими лжерелигиозными организациями и сектами, которые могут причинить огромный ущерб государству в целом [2, с. 99].

Одной из самых важных сторон борьбы с религиозно-мотивированными преступлениями экстремистской направленности является идейно-теоретический аспект. Его актуальность объясняется прежде всего тем, что прочность позиций этой формы экстремизма заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в его идейной базе, ориентирующей на эксплуатацию исламской концепции. Причем, если по другим направлениям борьбы с экстремизмом (военному, финансовому, организационному, информационному) предприняты определенные меры, в т. ч. при опоре на широкое международное сотрудничество, то идейно-теоретическая сторона явления пока остается вне внимания российских властей.

Российские духовные управления мусульман и иные исламские центры не в силах самостоятельно противостоять информационной экспансии экстремизма, поскольку он, целенаправленно подготавливая идеологическую платформу свержения конституционного

стройка, обладает значительными финансовыми, материальными и организационными ресурсами. Инициативу в разработке идейно-теоретической альтернативы религиозно мотивированному экстремизму должно взять на себя государство.

В решении этой задачи власть должна сотрудничать с религиозными исламскими центрами. Вместе с тем необходимо предусмотреть систему мер по контролю над содержанием реализуемой и издаваемой религиозной литературы и иными информационными источниками, апеллирующими к религиозным ценностям, используя для этого прямые контакты с духовными лидерами и возможности соответствующих структур по связям с религиозными объединениями при правительстве и президенте РФ.

Государственная политика противодействия религиозному экстремизму должна быть нацелена на активное включение позитивного духовно-нравственного и культурно-интеллектуального потенциала ислама в процесс демократических преобразований в России, а также на придание его активности в политико-правовой сфере такой направленности, которая содействовала бы укреплению государственности и правовой системы России.

Литература

1. Алиев М.А. Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение // Российский следователь. 2008. № 5.
2. Боронбеков С. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. 2003. № 2.
3. Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе: Монография. – Рязань: Рязоблтипография, 2004.
4. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М.: Пресс-Традиция, 2001.
5. Ланд П. Ислам. – М.: Астрель, 2003.
6. Молдалиев О. Современные вызовы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии. – Бишкек: ФФЭ, 2001.
7. : Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести / Сост. А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2003.
8. Страны мира: Энциклопедический справочник / Под ред. С.А. Семеницкого. – Мн.: Миринда; Родиола-плюс, 1999.
9. Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. 2003. № 3.
10. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс: Дагестанский выпуск» / Региональный информационный центр ООО «Квадро». – Махачкала.

Поступила в редакцию 4 апреля 2011 г.